

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 934–942, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол

Кеemia Владимировна Орлова¹

- ¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4951-0063.. E-mail: [orlovnk\[at\]mail.ru](mailto:orlovnk[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Орлова К. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В 2024 г. исполняется 85 лет со дня сражения на р. Халхин-Гол. Стремительная война на Халхин-Голе (май-сентябрь 1939 г.) окончилась подписанием 15 сентября 1939 г. Соглашения о перемирии, результатом которого стало прекращение боевых действий уже на следующий день, 16 сентября. Воюющие стороны договорились о прекращении боевых действий, урегулировании территориальных претензий, обмене пленными и погибшими. Сражение на р. Халхин-Голе стало важной вехой в истории страны и народа и ознаменовало новый этап советско-монгольского сотрудничества. Многочисленные проникновения японцев на территорию МНР под разными прикрытиями и предложения совершенно очевидно свидетельствовали о приготовлениях к войне. 11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, поддержала страну. Историческое значение битвы на р. Халхин-Гол до сих пор находится в фокусе внимания ученых из разных стран, в том числе и принимавших непосредственное участие. Данная статья посвящена конфликтам, происходившим на границе МНР и Маньчжоу-Го, т. е. событиям, которые предшествовали нападению японо-маньчжурских войск на территорию Монголии. *Материалы.* Статья основана на опубликованных архивных материалах, сборниках документов, научной литературе. *Результаты и выводы.* Напряженные взаимоотношения между МНР и Японией накануне событий на р. Халхин-Гол в полной мере обнажили всю сложность международной обстановки. Существенное влияние на внешнюю политику МНР оказывала Япония, которая в 1931 г. начала агрессию в Северо-Восточном Китае, а в 1932 г. с созданием государства Маньчжоу-Го оказалась у монгольской границы. Япония в лице Маньчжоу-Го стала представлять реальную угрозу независимости и суверенитету МНР, претендуя на территорию в районе р. Халхин-Гол. С 1934 г. массовые нарушения государственной границы МНР, продолжавшиеся вплоть до начала полномасштабного нападения. Точной линии разграничения спорной территории между МНР и Маньчжоу-Го не было, что и вынудило обе стороны начать переговоры. Однако переговоры 1935 г. и 1937 г. оказались безрезультатными. Победа на р. Халхин-Гол подтвердила политические, экономические и военные узы в двусторонних отношениях СССР и МНР.

Ключевые слова: Монголия, СССР, Халхин-Гол, Япония, 1930-е гг., Маньчжоу-Го, экспедиции, КВЖД, монгольские заставы, «джентльменское» соглашение, Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР (1936)

Для цитирования: Орлова К. В. Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 934–942. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident

Keemya V. Orlova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Orlova K. V., 2024

Abstract. Introduction. The year 2024 celebrates the 85th anniversary of the Battles of Khalkhin Gol. The slashing war (May–September 1939) ended with a truce agreement signed on 15 September 1939 and immediately followed by ceasefire. The warring sides agreed on the latter, settlements of territorial claims, POW and KIA exchanges. The events proved another significant milestone in the national history and shaped a new stage in Soviet–Mongolian cooperation. The multiple penetrations of Japanese units deep into Mongolia's territory under various pretexts did attest to those were preparing for war. On 11 September 1939, Japanese troops invaded the Mongolian People's Republic in the Khalkhin Gol area. As a faithful ally the Soviet Union granted its military support to the nation. The historical significance of the incident still attracts attention of scholars from various countries, including from the direct participant ones. **Goals.** The article examines some border conflicts between the MPR and Manchukuo, i.e. the events that had preceded the invasion of Mongolia by Japanese–Manchu troops. **Materials.** The paper examines published archival materials, collected documents, and scholarly writings. **Results and conclusions.** The tense relations between the MPR and Japan on the eve of the hostilities were somewhat a manifestation of the complicated political agenda then witnessed worldwide. Japan did have certain influence on Mongolia's foreign policy, since it had launched aggression across Northeast China in 1931 only to create the state of Manchukuo in 1932 and, thus, find itself bordering the former. So, Japan in the form of Manchukuo started posing an evident threat to the independence and sovereignty of the MPR: it would articulate claims to the Khalkhin Gol area. Since 1934, Mongolia was facing border violations that led to a full-scale military attack. There was no clear borderline between the MPR and Manchukuo across the disputed area, which made both the sides begin negotiations. However, the rounds of 1935 and 1937 ended with null results. The Soviet–Mongolian victory would further strengthen mutual political, economic, and military ties.

Keywords: Mongolia, USSR, Khalkhin Gol, Japan, 1930s, Manchukuo, expeditions, Chinese Eastern Railway, Mongolian border outposts, gentlemen's agreement, USSR–MPR Protocol on Mutual Assistance (1936)

For citation: Orlova K. V. Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 934–942. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

1. Введение

В 2024 г. исполняется 85 лет со дня сражения на р. Халхин-Гол. Стремительная война на Халхин-Голе (май–сентябрь 1939 г.) окончилась подписанием 15 сентября 1939 г. Соглашения о перемирии, результатом которого стало прекращение боевых действий уже на следующий день, 16 сентября. Воюющие стороны договорились о прекращении боевых действий, урегулировании террито-

риальных претензий, обмене пленными и погибшими. Сражение на р. Халхин-Голе стало важной вехой в истории страны и народа и ознаменовало новый этап советско-монгольского сотрудничества. Многочисленные проникновения японцев на территорию МНР под разными прикрытиями и предложениями совершенно очевидно свидетельствовали о приготовлениях к войне. 11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию

МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, поддержал Монголию. Историческое значение битвы на р. Халхин-Гол до сих пор находится в фокусе внимания ученых из разных стран, в том числе и принимавших непосредственное участие в ней. Данная статья посвящена конфликтам, происходившим на границе МНР и Маньчжоу-Го, т. е. событиям, которые предшествовали нападению японо-маньчжурских войск на территорию Монголии. В статье использованы опубликованные сборники документов: «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)», «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)», «Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.)», научная литература по данной тематике.

2. МНР и Япония в 1920–1930-е гг.

2.1. Экспедиции японцев в Монголию

В сентябре 1925 г., по сообщению Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления¹, японское правительство обозначило одной из первоочередных своих задач — «борьбу с коммунистическим правительством в Монголии» и уже занималось «формированием тех военных кадров, на которые должна опереться ... эти военные кадры будут сформированы из монгол (так в документе. — К. О.), бурят, русских и китайцев» [Монголия в документах 2019: 97].

В том же, 1925 г., по распоряжению японского правительства в МНР была отправлена военная комиссия «для обследования русского влияния» [Монголия в документах 2019: 96].

«Русское влияние» беспокоило не только Японию, но и другие страны [Монголия в документах 2019: 97]. Этот факт подтверждается заграничным донесением «Отношения между Внешней Монголией и Советской Россией» от 30 декабря 1925 г., из которого следует: «Внешняя Монголия совершенно подчинена советскому влиянию», и, более

того, «среди некоторых членов Ургинского² правительства ... втайне обеспокоены расширением советского влияния во Внешней Монголии ... и хотели бы изгнать советское влияние» [Монголия в документах 2019: 109]. В сообщении датского посланника в Пекине Г. Кауфмана также указывается: «... представитель Сов. России, его сотрудники и многочисленные русские советники распространяют свое влияние почти на все учреждения монгольского пр[авительст]ва, фактически являются правителями страны. Формально Монголия является автономной страной ...» [Монголия в документах 2019: 101].

В июле 1925 г. в местность Далай-Булак прибыла экспедиция в составе 13 японцев и 15 китайских рабочих, все они были задержаны на пограничном посту и «препровождены в местность Егузер»³, где был расквартирован 19-й Отдельный кавалерийский пограничный эскадрон [Монголия в документах 2019: 97]. В сентябре того же года для выяснения их намерений и цели прибыла комиссия Государственной внутренней охраны⁴ (ГВО) Монголии. В результате выяснилось, что экспедиция прибыла в страну под эгидой общества Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) во главе с японским подданным, в состав группы входили «командированные ... Главным штабом Военного министерства Японии и штабом дивизии», остальные 10 человек являются «как будто агентами Южно-Маньчжурского общества железной дороги» [Монголия в документах 2019: 97–98]. Целью группы, как показали члены экспедиции на допросах, стали следующие задания (24 пункта): «обследовать местность Монголии и слить имеющиеся у экспедиции географические карты с действительностью; выяснить торгово-промышленное состояние; ... ознакомиться с деятельностью монгольской администрации; собрать сведения о положении милиции, таможенных учреждений,

² В 1924 г. столица Монголии Урга была переименована в г. Улан-Батор.

³ Местность Егузер (иногда встречается написание Югодзырь) — ныне в юго-западной части Сухэбаторского аймака Монголии.

⁴ Государственная внутренняя охрана — спецслужба Монголии, основана в июле 1922 г.

¹ Иностранный отдел ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР.

министерства финансов; ... выяснить, через какие местности проходит железная дорога, состояние дороги и складов на ней; ... состояние гостиниц, быт крестьянства, хлебопашество и состояние пароходства, ... обследовать все богатства Монголии; ... выяснить экономический быт монгольского народа; обследовать состояние транспорта для передвижения грузов; ... как построены фабрики, какая связь фабрик с районами, обладающими природными богатствами, что производят фабрики; ... в каком положении государственные склады, в каком положении торговля и промышленность государства; законы правительства, существующие в стране; обследовать состояние городов в Монголии; ... какое имеется иностранное влияние в Монголии и ее международные отношения; ... в каком положении находятся ваны и гуны (князья) и их влияние на монгольское население» [Монголия в документах 2019: 98–99]. Судя по перечисленным пунктам, группе ставились вполне реальные разведывательные задачи.

10 сентября 1928 г. Государственный департамент США разослал своим зарубежным дипломатическим представительствам секретную депешу о планах Японии создать на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии «Независимую Маньчжурскую Республику». Такое государство было создано в 1932 г. — Маньчжоу-Го. Однако замыслы японских властей простирались еще дальше — включить в «новое буферное государство» и Внешнюю Монголию [Монголия в документах 2019: 155–156], что выясняется из донесения военного атташе в СССР (1927–1929) Мититаро Комацубара: «Японии важно как с точки зрения ее будущей политики, так и в стратегическом отношении сделать Внешнюю Монголию независимой ... с тем, чтобы она вошла в состав Маньчжоу-Го» [Монголия в документах 2019: 360]. Также из донесения следует, что Япония в действительности не признала Монголию как «самостоятельное государственное образование»¹ [Монголия в

¹ В октябре 1928 г. японское посольство в Москве предложило своему правительству «признать Внешнюю Монголию» и послать в Ургу «своего представителя ... для того, чтобы не просить СССР о визе» [Монголия в документах 2019:

документах 2019: 96]. Согласно «Соглашению об общих принципах по урегулированию отношений между СССР и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г.², Япония считала ее частью Китайской Республики и использовала прежнее наименование — Внешняя Монголия, хотя в ноябре 1924 г. она была провозглашена народной республикой. Вместе с тем Япония заявляла о «строгом нейтралитете» в ее отношении и не препятствовании «официальной поддержке со стороны СССР» [Монголия в документах 2019: 96].

«Якобы мирные» заявления японской стороны — это было своего рода «попыткой привлечь на свою сторону „Внешнюю Монголию“ посредством признания ее независимости» (цит. по: [Яскина 2002: 203]). Спецотдел ОГПУ со ссылкой на телеграмму японского посла в Москве в МИД Токио в 1928 г. сообщает: «было бы вполне возможно приступить к переговорам с Монголией относительно посылки туда нашего представителя, имея в виду признание монгольского правительства... Япония этим самым имеет в виду воспрепятствовать установлению исключительному влиянию на Монголию со стороны СССР [Монголия в документах 2019: 150–151].

2.2. Советско-японские отношения

Ухудшение ситуации между МНР и Японией осложнялось и в связи с напряженными советско-японскими отношениями. Непростая обстановка складывалась вокруг Китайско-Восточной железной дороги³ [169, 352]. Дипломатические отношения между МНР и Японией установлены в 1972 г.

² В статье 5 данного Соглашения сказано: «Правительство Союза ССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая» [Соглашение 1925].

³ Согласно Айгунскому договору (1896), подписанному между Российской империей и цинским Китаем, КВЖД была построена (1897–1903 гг.) Россией на свои средства. Для России строительство и эксплуатация железной дороги означали наиболее краткий путь из центральной части страны на Дальний Восток. Для Китая оно имело большое экономическое значение, северо-восток Китая превращался в крупнейший промышленный центр страны. По договору через 36 лет, т. е. в 1939 г., Китаю предоставлялось

(КВЖД): в 1929 г. КВЖД полностью перешла под контроль Маньчжурии, большинство советских предприятий было закрыто, работавшие на КВЖД советские сотрудники уволены, около 200 арестованы, т. е. маньчжурские власти и японцы проявляли чрезвычайную «агрессивность в отношении КВЖД» [*Русско-китайские отношения 2010: 167, 795*].

Советский Союз мгновенно отреагировал и тоже весьма жестко: из Китая были отозваны дипломатические и консульские работники, а в ноябре 1929 г. Особая дальневосточная армия под руководством В. К. Блюхера «перешла границу в районе станции Маньчжурия, разбила военную группировку (200 000 человек). Результатом явилось подписание в Хабаровске советско-китайского протокола (Мукденский) обеими сторонами: восстанавливался status-quo КВЖД, освобождались арестованные советские граждане и возобновлялась работа консульств с обеих сторон [*Русско-китайские отношения 2010: 795*].

В 1932 г. продолжились «нападения на железную дорогу, аресты советских служащих», в апреле 1933 г. в одностороннем порядке руководство Маньчжоу-Го и вовсе закрыло «сообщение между КВЖД и советскими железнодорожными магистралями в пунктах Маньчжурия и Пограничная» [*История Востока 2006: 611*].

В мае 1933 г. правительство СССР предложило маньчжурской стороне выкупить КВЖД [*Русско-китайские отношения 2010: 169, 410, 676*], 23 марта 1935 г. было подписано «Соглашение между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД» [*Документы 1973: 204–213*].

Единственной страной, на помощь которой Монголия рассчитывала, стал СССР. 27 ноября 1934 г. СССР и МНР заключили

«джентльменское»¹ соглашение, предусматривавшее «взаимную поддержку» при условии «угрозы военного нападения» [*Русско-монгольское военное 2019, I: 346*]. Устная договоренность об оказании помощи и поддержки МНР была поддержана на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 ноября 1935 г. Советский Союз таким образом гарантировал безопасность и суверенитет Монголии.

Однако и в 1935–1936 гг. Япония не прекращала продолжавшиеся поползновения проникнуть на территорию МНР. Как следует из архивных материалов сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России», сообщений о недружелюбной деятельности японской стороны в отношении Монголии немало [*Монголия в документах 2019: 150–151, 215, 217, 360–362, 365–368, 371–373, 375–377*; и др.].

По информационному сообщению иностранного отдела Главного управления госбезопасности (ИНО ГУГБ) НКВД СССР, в 1935 г. Япония предоставила финансовые средства для организации «русских военных поселений» (из эмигрантов, 120 человек) на границе с МНР во главе с Василием Казаковым² [*Монголия в документах 2019: 369*]. Каждому поселенцу «по прибытии на место было обещано выдать оружие, лошадей и амуницию», всех обмундировать «в единую форму... где на правом рукаве гимнастерки должен быть пришит герб Маньчжоу-Го» [*Монголия в документах 2019: 369*]. В том же 1935 г. на заставе Сумбэр были задержаны японец и русский рабочий с «топографическими аппаратами» для обследования и картографирования прилегающих к р. Халхин-Гол территорий, обоих задержанных вскоре освободили, однако маньчжурская погранохрана отказалась их принять «без предварительной санкции своего правительства» [*Монголия в документах 2019: 372, 373*].

Но Япония, не ограничиваясь внедриться в страну под разными предлогами, стала

¹ Джентльменское соглашение — устное соглашение без составления документов.

² Василий Казаков (1888–1945) — участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер, после октябрьской революции примкнул к атаману Г. М. Семенову.

право выкупить железнодорожную магистраль с возмещением вложенных Россией средств, через 80 лет после окончания строительства КВЖД полностью переходила в собственность Китая. После вторжения Японии в Северо-Восточный Китай (1931) ее дальнейшими шагами стало вытеснение России из региона и, в частности, с КВЖД.

устраивать различного рода провокации. По сообщению полпреда СССР В. Х. Таирова Б. С. Стомонякову и начальнику Разведывательного управления РККА (1935–1937) С. П. Урицкому, 19 декабря 1935 г. с юго-западной стороны оз. Буир-нор появились японо-маньчжурские войска («примерно 10 или 15 грузовиков с воинами») и «открыли огонь по находившимся на заставе Булундэрэсе (Булун-дэрсун) цирикам, ... убили и ранили наших пограничников, некоторых увели с собой, захватив награбленное... Застава в данный момент находится в руках противника» [Российско-монгольское, I 2019: 320, 338].

25 января 1936 г. председатель Малого Хурала А. Амар и премьер-министр П. Гэндэн обратились к правительству СССР и, в частности, указали на «агрессивные и разные провокационные действия» Японии [Российско-монгольское, I 2019: 336].

В том же обращении констатируется: «вплотную подходит момент, когда Япония приступит к войне», «хищнические устремления Японии ... превратят нашу Монголию в главный театр своей империалистической войны, направленной против северо-западных провинций Китая и в особенности против СССР, ... наша страна и наши аратские массы попадут в рабство и жестокое угнетение» [Российско-монгольское, I 2019 : 338].

На следующий день, 26 января 1936 г., в донесении заместителя начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР Н. К. Кручинкина на имя заместителя наркома по иностранным делам СССР Б. С. Стомонякова сообщалось о нападениях японцев на монгольские заставы [Российско-монгольское, I 2019 : 339]. В частности приводятся данные о 490 японских военных («конницы и пехоты на машинах»), готовивших «ряд новых налетов в различных направлениях на территорию МНР» [Российско-монгольское, I 2019: 339].

Результатом нападения на монгольскую заставу Мандавай у оз. Хага-Нор, произошедшее в середине января 1936 г., стали «три машины с ранеными и убитыми» со стороны Маньчжурии, остальные пять ма-

шин «остались в Келемуту», находившуюся в 70 км от станции Маньчжурия [Российско-монгольское, I 2019: 340].

Как следует из донесения начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР М. П. Фриновского Б. С. Стомонякову, «23 февраля 1936 г. в районе Ассыр-Сумэ¹, Халхын-Сумэ² «отмечалось усиленное движение машин», а уже 25 февраля, дозор монгольской заставы обнаружил «несколько пачек листовок, призывающих к борьбе с коммунизмом и переходу на сторону Маньчжоу-Го» [Российско-монгольское, I 2019: 345], в районе заставы Монголрыба был задержан лама, «перешедший границу по заданию японцев с разведывательными целями» [Российско-монгольское, I 2019: 345].

В апреле 1936 г. в районе Тамсык-Булак произошел «крупный бой мотобронечастей и боевой авиации с обеих сторон» [Российско-монгольское II, 2019: 13]. Нападения на монгольские заставы Буйр-Нор, Монголрыба, Булын-Дэрсу, Адык-Долон и др. стали происходить регулярно, тактика японо-маньчжоугоских войск сводилась к тому, что они вначале нападали на заставы, затем отводили свои войска, избегая прямых столкновений [Российско-монгольское, II 2019: 16].

В этой угрожающей ситуации важнейшим событием во взаимоотношениях СССР и МНР стало подписание 12 марта 1936 г. Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР, стороны обязались «в случае нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь» [Российско-монгольское, I 2019: 346].

Продолжавшиеся пограничные конфликты в конечном счете привели обе стороны к проведению Маньчжурской конференции.

¹ Монастырь, расположенный у оз. Буир-нур. В документах встречается также другое название монастыря: Асерсун сумэ, Ассир сумэ. Правильно: Асар сум.

² В середине 1930-х гг. в монастыре располагалась монгольская пограничная застава (40–50 человек), в 1935 г. была захвачена японским военным отрядом [Монголия в документах 2019: 482].

3. Монголо-маньчжурские конференции 1935 г. и 1937 г. по урегулированию пограничных конфликтов

Необходимость переговоров, инициатором которых стала маньчжурская сторона, назрела. Первая встреча состоялась 3 июля 1935 г. на станции Маньчжурия. Вся сложность состояла в том, что «полной и объективной картины о монголо-маньчжурской границе не было», «была лишь пограничная зона без опознавательных знаков» [Лузянин 2000: 171; История Монголии 2007: 140].

С июля по ноябрь 1935 г. проведено несколько раундов переговоров (21 заседание). На июльском заседании (9 июля) монгольская сторона отклонила очередное предложение об установлении дипломатических отношений с Маньчжоу-Го, хотя премьер-министр П. Гэндэн и правительство посчитали, что «установление дружественных отношений не является неприемлемым» [Монголия в документах 2019: 374, 375].

Монгольская сторона предложила создать «смешанную комиссию для демаркации границы на спорных территориях и урегулирования пограничных вопросов» с уточнением вопросов размещения уполномоченных с каждой стороны, их обязанностей и численности [Монголия в документах 2019: 380; Русско-китайские отношения 2010: 450–453].

Маньчжуры согласились с предложением монгольской стороны о создании комиссии, правда, посчитав «делом второстепенным» [Русско-китайские отношения 2010: 452], но предложили расширить их полномочия и обменяться официальными представителями [Монголия в документах 2019: 375–377]. Судя по документам, фактически был предъявлен ультиматум монголам — «правительство Маньчжоу-Го требует (курсив мой. — К. О.) согласия монгольского правительства на посылку в соответствующие пункты МНР для постоянного там проживания его уполномоченных, которые должны поддерживать постоянную связь с Маньчжоу-Го и пользоваться свободой передвижения... В случае отказа МНР удовлетворить эти требования Маньчжоу-Го потребует отвода всех монголь-

ских войск...» [Русско-китайские отношения 2010: 450]. Кроме того, было заявлено «о предоставлении Квантунской армии права послать в МНР своего представителя и построить на территории МНР телеграфную линию для связи» [Русско-китайские отношения 2010: 450].

Монгольское правительство отклонило императивные заявления властей Маньчжоу-Го, посчитав их «прямым оскорблением» и «покушением на суверенность и независимость МНР» [Русско-китайские отношения 2010: 451]. По обмену уполномоченными монголы согласились, но «с ограниченными правами», их резиденции определить рядом с пунктами Ганжур, Тамсак или Халхин-Сумэ [Монголия в документах 2019: 380].

Маньчжурская сторона заверила, что уполномоченные «не будут называться ни послами, ни консулами», и только после их назначения «фактически будут выполнять функции послов» [Русско-китайские отношения 2010: 452]. Однако в действительности это означало через уполномоченных установить дипломатические отношения. Вопрос об установлении дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-Го обсуждался на одном из заседаний ЦК МНРП (1935 г.), на котором обозначились два подхода: один был высказан А. Амаром (председатель Малого Государственного Хурала), П. Гэндэном (премьер-министр), Р. Мэндом (министр торговли и промышленности), Г. Дэмидом (военный министр) и сводился к тому, чтобы «не отвергать сделанного предложения и найти такую формулу, которая позволила бы монголам вернуться к обсуждению этого вопроса в подходящий момент. Взаимное признание может принести пользу Монголии при условии сохранения независимости МНР» [Монголия в документах 2019: 376]. Другая позиция, изложенная Б.-О. Элдэв-Очиром (секретарь ЦК МНРП) и Х. Чойбалсаном (первый заместитель премьер-министра), состояла в том, что они «не верят в то, что в случае вторжения японо-маньчжурских войск в пределы Монголии СССР станет серьезно защищать Монголию» [Монголия в доку-

ментах 2019: 376]. По результатам дискуссии было принято решение, которое удовлетворило обе стороны: «МНР за взаимное признание после разрешения конфликта на Халхин-Сумэ» [Монголия в документах 2019: 375–376]. Однако российская сторона не согласилась на установление дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-Го и сосредоточение исключительно на пограничных конфликтах.

11 июля 1935 г. состоялось очередное заседание комиссии (шестое), однако переговоры зашли «в тупик»: монгольская сторона исчерпала свои аргументы по вопросу о принадлежности спорной территории [Монголия в документах 2019: 377].

Все последующие переговоры до ноября 1935 г. фактически ничем и не закончились. МНР и Маньчжоу-Го, за которыми стояли СССР и Япония, не смогли прийти к компромиссу в разрешении приграничных конфликтов. Как считают авторы коллективной монографии «История Монголии. XX век», «позиция СССР и МНР была продиктована желанием оттянуть вооруженное столкновение, не допустить мирного проникновения Японии (в форме взаимного дипломатического признания МНР и Маньчжоу-Го) в Монголию. Тактика же японских и маньчжоугоских представителей строилась на выдвигании заведомо неприемлемых вариантов урегулирования с расчетом на дальнейшую эскалацию напряженности» [История Монголии 2007: 141–142; Лузянин 2000: 196]. По оценке д-ра ист. наук С. Г. Лузянина, «маньчжурская конференция, фактически навязанная монголам, тактически была выгодна Японии и невыгодна СССР» [Лузянин 2000: 175]. Япония получила бы «стратегический простор и формально-юридические основания для расширения своей экспансии в МНР» [Лузянин 2000: 175].

Монголо-маньчжурские переговоры возобновились в 1937 г., но и они закончились безрезультатно.

11 мая 1939 г. началась полномасштабная война, окончившаяся полным разгромом японских войск 15 сентября.

4. Заключение

Напряженные взаимоотношения между МНР и Японией накануне событий на р. Халхин-Гол в полной мере обнажил всю сложность международной обстановки на дальневосточном направлении. Существенное влияние на внешнюю политику МНР оказывала Япония, которая в 1931 г. начала агрессию в Северо-Восточном Китае, а в 1932 г. с созданием государства Маньчжоу-Го оказалась у монгольской границы. Япония в лице Маньчжоу-Го стала представлять реальную угрозу независимости и суверенитету МНР, предъявляя претензии на часть территории страны в районе р. Халхин-Гол. С 1934 г. массовые нарушения государственной границы МНР, продолжавшиеся вплоть до начала полномасштабного нападения, совершенно очевидно свидетельствовали о подготовке Японии к войне. Пограничные конфликты в конечном счете привели обе стороны к проведению Маньчжурской конференции. Точной линии разграничения спорной территории между МНР и Маньчжоу-Го не было, что и вынудило обе стороны искать пути разрешения сложившейся ситуации. Однако переговоры 1935 г. и 1937 г. оказались безрезультатными.

11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, направила войска в Монголию. Победа на р. Халхин-Гол подтвердила политические, экономические и военные связи в двусторонних отношениях.

Литература

Документы 1973 — Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января — 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973. 718 с.

References

Borisov Yu. V. et al. (eds.) Documents of Soviet Foreign Policy. Vol. 18: 1 January — 31 December 1935. Moscow: Politizdat, 1973. 718 p. (In Russ.)

- История Востока 2006 — История Востока. Т. V: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М.: Вост. лит. РАН, 2006. 717 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Лузянин 2000 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 266 с.
- Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред.: К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Российско-монгольское сотрудничество, I 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946 гг.): сборник документов: в 2 ч. / отв. ред. В. П. Козлов; науч. ред. Б. В. Базаров. Ч. I. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Граница, 2019. 360 с.
- Российско-монгольское сотрудничество, II 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946 гг.): сборник документов: в 2 ч. / отв. сост. И. И. Кудрявцев, рук. проекта Б. В. Базаров. Ч. II. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Граница, 2019. 328 с.
- Русско-китайские отношения 2010 — Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.
- Соглашение 1925 — Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, заключенное в Пекине 31 мая 1924 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1925. С. 17.
- Яскина 2002 — *Яскина Г. С.* Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 370 с.
- Landa R. G. (ed.) History of the East. Vol. 5: The East in the Contemporary World, 1914–1945. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 717 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Twentieth-Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia – Mongolia – China, Early-to-Mid Twentieth Century: Political Relations, 1911–1946. Moscow: Institute of the Far East (RAS), 2000. 266 p. (In Russ.)
- Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Kozlov V. P., Bazarov B. V. (eds.) Russia-Mongolia Military Cooperation, 1911–1946. Collected documents. In 2 pts. Pt. 1. Second edition, suppl. & rev. Moscow: Granitsa, 2019. 360 p. (In Russ.)
- Kudryavtsev I. I. (comp.) Russia-Mongolia Military Cooperation, 1911–1946. Collected documents. In 2 pts. B. Bazarov (project executive). Pt. 2. Second edition, suppl. & rev. Moscow: Granitsa, 2019. 328 p. (In Russ.)
- Tikhvinsky S. L. (ed.) Russia and China: Twentieth-Century Relations. Vol. 2: September 1931 – September 1937. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2010. 861 p. (In Russ.)
- USSR-ROC Dispute Settlement Agreement of 31 May 1924 (Beijing). In: Collected Current Treaties, Agreements, and Conventions with Nations. Vol. 2: Current Treaties, Agreements, and Conventions to Have Entered into Force from 1 January 1924 to 1 January 1925. Moscow: Litizdat N.K.I.D., 1925. 17 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. Mongolia and the World. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2002. 370 p. (In Russ.)

